НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ДЕПАРТАМЕНТ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
АДМИНИСТРАЦИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

**Природопользование и охрана природы:
Охрана памятников природы,
биологического и ландшафтного
разнообразия Томского Приобья
и других регионов России**

**Материалы IX Всероссийской с международным участием
научно-практической конференции**

Томск, 21–23 апреля 2020 г.

Томск
Издательство Томского государственного университета
2020

ничество в области экологической безопасности и охраны окружающей среды : материалы конференции. Гомель, 2018. С. 161–165. URL: <http://conference.gsu.by> (дата обращения 21.09. 2019).

4. Novenko E.Y., Tsyganov A.N., Pisarchuk N.M., Volkova E.M., Babeshko K.V., Kozlov D.N., Shilov P.M., Payne R.J., Mazei Y.A., Olchev A.V. Forest history, peatland development and mid to late Holocene environmental change in the southern taiga forest of central European Russia // Quaternary Research. 2018. V. 89, is. 1. P. 223–236.

5. Птичников А.В., Бубко Е.В., Загидуллина А.Т. Добровольная лесная сертификация : учеб. пос. для вузов / под общ. ред. А.В. Птичникова, С.В. Третьякова, Н.М. Шматкова. М. : WWF, 2011. С. 8–22.

6. Лесной кодекс Российской Федерации (от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ).

7. Правила заготовки древесины; утверждены Министерством природных ресурсов (от 16.07.2007 г. № 184).

8. Проект освоения лесов, переданных в аренду предприятию ООО «Сибирьлес» для заготовки древесины с ведением лесного хозяйства в Зырянском лесничестве Томской области. Томск : Томский филиал ФГУП Рослесинфорг, 2011.

9. Непряхин Е.М. Почвы Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 438 с.

10. Приказ Рослесхоза «Об утверждении Перечня лесорастительных зон Российской Федерации и Перечня лесных районов Российской Федерации» (от 09.03.2011 г. № 61).

DOI: 10.17223/978-5-94621-954-9-2020-28

НАСЛЕДИЕ, ЭКОСИСТЕМНЫЕ УСЛУГИ И ДРУГИЕ АРГУМЕНТЫ В ЗАЩИТУ ЗАПОВЕДНИКОВ HERITAGE, ECOSYSTEM SERVICES AND OTHER ARGUMENTS TO NATURE RESERVES ADVOCACY

Д.В. Черных

D.V. Chernykh

Институт водных и экологических проблем СО РАН,

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

chernykhd@mail.ru

Российские заповедники – одна из самых эффективных форм территориальной охраны природы. Аргументы в защиту абсолютной неприкосновенности заповедников: их неоценимая роль в сохранении природного наследия; возможность мониторинга последствий изменений климата в различных ландшафтах; широкий спектр предоставляемых регулирующих и поддерживающих экосистемных услуг.

Russian zapovedniki are one of the most effective forms of nature conservation. The arguments in defense of the absolute inviolability of the zapovedniki are: their invaluable role in preserving the natural heritage; the ability to monitor the climate changes in various landscapes; a wide range of regulating and supporting ecosystem services.

Ключевые слова: охраняемые территории, заповедник, природное наследие, экосистемные услуги.

Keywords: protected areas, zapovednik, natural heritage, ecosystem services.

Российские заповедники представляют собой одну из самых эффективных форм территориальной охраны природы, а их сеть в нашей стране является системой уникальных природоохранных и научных полигонов, которая не имеет аналогов в мире. Благодаря «отцу российских заповедников» Григорию Александровичу Кожевникову, в основу концепции заповедника был положен принцип «абсолютной неприкосновенности». Рассуждая в этом направлении, Г.А. Кожевников задается вопросом: «Какие принципы должны быть положены в основу устройства «заповедников»? И сам же отвечает: «По-моему, лишь один главный принцип, от систематического и строгого соблюдения которого зависит все: полная неприкосновенность. В пределах заповедного участка не допустимы не только какие бы то ни было порубки или посадки, но даже и покос...» [1].

Реализованная на практике и закреплённая законодательно, идея «абсолютной заповедности на все времена» должна была стать апогеем природоохранной идеологии в нашей стране. Тем не менее, на протяжении всех ста лет своего существования она подвергалась нападкам.

Эти нападки выливались то в упразднение части заповедников, как это было в 1951 и в 1961 гг., то в попытки разрешить на территории заповедников отдельные виды хозяйственной деятельности – рекреацию, прокладку линейных коммуникаций и т.д. Основными мотивами для ревизии основ заповедного дела в России в последние годы являются необходимость заповедникам самостоятельно выживать в условиях отсутствия достаточной финансовой поддержки от государства и необходимость более тесной интеграции заповедников в региональную экономику. Ярким ответом на подобного рода заявления являются слова Председателя Постоянной Природоохранительной комиссии РГО акад. А.А. Чибилева: «Необходимо полностью запретить трансформацию заповедников в рекреационно-туристические объекты и изъятие единой заповедных территорий для производственных нужд. Спасти заповедный фонд России может только мораторий на изъятие его земель [2, с. 85].

Важнейшим аргументом в защиту абсолютной неприкосновенности заповедников продолжает оставаться их неоценимая роль в сохранении природного наследия. Стоит вспомнить, что именно как сохранение наследия воспринимали охрану природы многие пионеры отечественного заповедного дела – И.П. Бородин, А.П. и В.П. Семеновы-Тянь-Шанские. Последний, в частности, говорил: «На нашей обязанности лежит сохранить для потомства, где только можно, в полной неприкосновенности, полностью черты лика матери – Земли, дабы оно имело всегда возможность в них вглядываться и поучиться в натуре тому, о чем оно только слыхало из книг и без чего поэтому не сможет себе представить вполне реально. Сохранение нетронутым естественного цельного географического ландшафта от далеких предков поможет потомкам легче критически разобраться во всей той сложной искусственной обстановке, в которой им придется жить и действовать...» [3]. При этом, понятие «природное наследие», в отличие от «культурного наследия», долгое время не получало должного развития в отечественном заповедном деле и не нашло законодательного закрепления в нашей стране. Такая ситуация, по моему мнению, помимо того, что обедняет саму теорию заповедного дела, существенно осложняет внедрение природоохранных идей в широкие слои населения [4]. При том, что достаточно большая часть населения, по крайней мере сельского, все еще готова воспринимать природу как то, что необходимо передать потомкам.

Аргумент, что заповедники призваны сохранять эталоны природной среды, также не потерял своей актуальности. Более того, в условиях наблюдаемых климатических изменений он приобретает дополнительный вес. Так как последствия климатических изменений часто обнаруживаются только через какое-то время, именно природные ландшафты могут выступать в качестве надежных индикаторов этих изменений. Там же, где фиксируется более или менее регулярное присутствие человека, на естественно обусловленные изменения в ландшафтах накладываются антропогенно обусловленные, что приводит к сложностям при интерпретации. Например, дорожно-тропиночная сеть способствует активной синантропизации растительного покрова, которая сопровождается стиранием региональных флористических граней. Как показали наши исследования в горном обрамлении Телецкого озера на Алтае [5], вдоль троп происходит проникновение видов из одних высотных поясов в другие, возрастание доли гидрофильного компонента.

Адаптация ландшафтов к изменению климата в настоящее время признается новой актуальной научной проблематикой [6]. В этой связи географический принцип, на который всегда опиралась отечественная научная школа при проектировании заповедников, – «каждому типичному подразделению природы – свой заповедник» [7] – опередил свое время. Один из наиболее последовательных сторонников географического подхода при организации сети заповедников, выдающийся российский географ и ботаник, создатель современного учения о лесе

Г.Ф. Морозов, еще в начале XX в. говорил: «Выделение заповедных участков должно происходить по возможности планомерно с положением в основу ботанико-географического подразделения: заповедные участки должны находиться в каждой ботанико-географической области, представляя в своей совокупности ряд характернейших и наиболее ценных в научном отношении типов растительности» [8]. В настоящее время разветвленная сеть заповедников России позволяет вести мониторинг последствий изменений климата в различных зональных, секторальных и высотных условиях.

В рамках концепции экосистемных услуг, более широко, чем традиционный ресурсный подход, трактующей вклад природы в удовлетворение потребностей общества, охраняемым природным территориям отводится особое место. С последними связывается целый ряд услуг, которые не могут быть в должном объеме предоставлены территориями, не имеющими статуса охраняемых. Следует, однако, отметить, что до настоящего времени не сложилось единого мнения относительно того, охраняемые природные территории с каким режимом предоставляют больший суммарный объем экосистемных услуг [9]. Так, за небольшим исключением, для сохранения биоразнообразия однозначно большее значение имеют охраняемые территории со строгим режимом охраны [10]. Кроме этого, строгий охранный режим обеспечивает формирование больших пулов углерода [11]. С другой стороны, отмечается, что охраняемые территории с менее строгим режимом охраны, где местным жителям разрешено управлять экосистемами, предпочтительнее для водных биологических ресурсов, а также для ряда регулирующих и культурных услуг [12]. Считается, что жёсткий режим охраны определяет невозможность включения потенциальных услуг в развитие туризма. В то же время, массовый приток туристов в национальные и природные парки и их интенсивное рекреационное использование способствуют деградации ландшафтов. Например, рекреационное использование озер национального парка «Валдайский» приводит к локальной деградации лесной и луговой растительности прибрежной полосы; частичному разрушению защитной (буферной) полосы водной растительности; эрозии берегов в местах стоянок; загрязнению мелководий стоками и мусором и, в итоге, к снижению эстетической ценности береговых ландшафтов [13].

Безусловно, можно согласиться с мнением, что для интеграции охраняемых природных территорий в региональную экономику важно, чтобы они становились не только символами гуманитарных устремлений общества, но и вкладчиками в диверсификацию хозяйства [14]. Однако при огромных размерах России и наличии обширных незаселенных пространств в ее азиатской части трудно найти реальные неопровержимые аргументы, чтобы оправдать необходимость использования территории не такой уж густой сети заповедников страны ради сиюминутной прибыли. Многократно говорилось, что экосистемные услуги России и особенно ее сибирских регионов представляют ценность в планетарном масштабе. Крупнейшие в мире области природных экосистем, сохранившиеся в азиатской части России, имеют ключевое значение для поддержания биоразнообразия Северной Евразии и регулирования биосферы, в частности регулирования климата, из-за большого запаса углерода в торфе, почвах и вечной мерзлоте [15]. Глобальные функции сибирских экосистем всегда будут актуальны, а со временем, в связи с возрастанием спроса на благоприятную окружающую среду, однозначно, получают адекватное стоимостное выражение.

Работа выполнена в рамках программы научно-исследовательских работ Института водных и экологических проблем СО РАН при частичной поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-55-18001-Болг_а).

Литература

1. Кожевников Г.А. Международная охрана природы. М., 1914. С. 51–59.
2. Чибилев А.А. Столетие заповедной системы России: исторические предпосылки, итоги и проблемы развития // Известия АО РГО. 2017. № 2 (45). С. 81–90.
3. Архив РГО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 137.
4. Черных Д.В. Сохранение природного наследия России в контексте наследования идей и традиций: без права на забвение // Известия АО РГО. 2017. № 2 (45). С. 73–80.
5. Бирюков Р.Ю., Золотов Д.В., Черных Д.В. Синантропизация растительного покрова вдоль дорожно-тропиночной сети (Прителецкий район, северо-восточный Алтай) // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 11–15.
6. Opdam P., Luque S., Jones K.B. Changing landscapes to accommodate for climate change impacts: a call for landscape ecology // Landscape Ecol. 2009. № 24. P. 715–721.
7. Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978. 294 с.
8. Дневник XII съезда естествоиспытателей и врачей в Москве. М., 1911. № 1–3. С. 146.
9. Wiens J.A. Landscape ecology as a foundation for sustainable conservation // Landscape Ecol. 2009. № 24. P. 1053–1065.
10. Maes J., Paracchini M.L., Zulian G., Dunbar M.B., Alkemade R. Synergies and trade-offs between ecosystem service supply, biodiversity, and habitat conservation status in Europe // Biol. Conserv. 2012. № 155. P. 1–12.
11. Castro A.J., Martin-Lopez B., Lopez E., Plieninger T., Alcaraz-Segura D., Vaughn C.C., Cabello J. Do protected areas networks ensure the supply of ecosystem services? Spatial patterns of two nature reserve systems in semi-arid Spain // Appl Geogr. 2015. № 60. P. 1–9.
12. Oldekop J.A., Holmes G., Harris W.E., Evans K.L. A global assessment of the social and conservation outcomes of protected areas // Conserv. Biol. 2016. № 30. P. 133–141.
13. Белоновская Е.А., Виноградова В.В., Пономарев М.А., Тишков А.А., Царевская Н.Г. Оценка рекреационного потенциала национального парка «Валдайский» // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 4. С. 97–111.
14. Тишков А.А., Белоновская Е.А., Кренке А.Н., Царевская Н.Г. Экосистемные услуги национальных парков и заповедников: оценка, сопоставление, выявление конфликтов при пользовании // Охрана природы и региональное развитие: гармония и конфликты (к Году экологии в России) : материалы международной научно-практической конференции и школы-семинара молодых ученых-степеведов «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург : Институт степи УрО РАН, 2017. С. 60–70.
15. Bukvareva E.N., Grunewald K., Bobylev S.N., Zamolodchikov D.G., Zimenko A.V., Bastian O. The current state of knowledge of ecosystems and ecosystem services in Russia: a status report // Ambio. 2015. № 44 (6). P. 491–507.

DOI: 10.17223/978-5-94621-954-9-2020-29

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОХРАНЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ООПТ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ CHARACTERISTICS OF INDICATORS OF BIOLOGICAL DIVERSITY CONSERVATION IN SPNA OF ASIAN RUSSIA STEPPE REGIONS

А.А. Чибилёв (мл.), Д.С. Мелешкин, Д.В. Григорьевский
А.А. Chibilyov (jr.), D.S. Meleshkin, D.V. Grigorevsky
Институт степи ОФИЦ УрО РАН, г. Оренбург
a.a.ml@mail.ru, aventureiro@mail.ru, grag92@mail.ru

Проведен анализ количественной и площадной характеристики ООПТ степных регионов Азиатской части России, выявлена специфика природно-заповедного комплекса каждого региона, проанализирована структура охраняемых видов растений и животных в исследуемых регионах.

The analysis of the quantitative and area characteristics of the protected areas of the steppe regions of the Asian part of Russia is carried out, the specific of the nature reserve complex of each region is revealed, and the structure of protected plant and animal species in the studied regions is analyzed.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, биологическое разнообразие, степные регионы.

Key words: protected areas, biological diversity, steppe regions.